

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Встречи на «Мосфильме»

1945 год. Только что закончилась война. В одном из московских паровозных депо работал мальчишка. Был он, что называется, на подхвате. Бегал с утра до вечера по цехам, перемазанный в мазуте, с масленкой и ключами в руках. Но когда выдавалась свободная минута и рабочие шли на перекур, приставал ко всем со стихами. Читал самозабвенно, входил в образ, разыгрывал маленькие спектакли. Жил в нем неукротимый актерский дух. И однажды начальник цеха сказал ему: «Борис, зачем тебе нужна вся эта паровозная канитель? Ты — натура творческая. Вот тебе газета: «Мосфильм» объявляет прием на курсы. Всего шесть специальностей. Выбирай какую хочешь!».

И он выбрал. Профессию гримера. Ему казалось тогда, что профессия эта наиболее приближена к боготворимой с детства сцене. Но курсы в тот военный год так и не открылись. Ему предложили: «Хоти-

Михаила Ильича Ромма, обойдут многие журналы и газеты и станут основой документального фильма о легендарном режиссере.

Но все это будет потом. А тогда, в сорок шестом, он учился на курсах гримеров и гримировал...

— Кого гримировал? Да всех почти что. Ну, например, мы часто встречались и до сих пор дружим с Николаем Крючковым. Все артисты ведут себя на гриме по-разному. Крючков, тот просто сядет и сидит. Но он очень уставал на съемках, не высыпался. Снимали, помню, мы на Кавказе картину «Суд». Режиссер Владимир Скубин к тому времени был очень болен, почти не двигался. Его выносили на руках на съемочную площадку и сажали. Но голова его работала очень четко. Он точно знал, как снимать кадр. Так вот, у Крюčkова была роль охотника. Сложный грим, парик, борода. А он ляжет по дороге в горы в машине на скамейку и выспится.

пока она гримировала героиню (Людмилу Касаткину), я успевал загримировать всех мужиков — и Попова, и Зельдина, и Перцовского, и Сошальского, и... Да всех не перечислишь.

— Ну, а фотографом как вы стали?

— Однажды жена купила мне на день рождения фотоаппарат. И я, гримируя артистов, стал их снимать. Когда фотографий набралось много, сделал любительскую фотовыставку на «Мосфильме». Пришли на нее и ребята из фотоцеха. И, видимо, что-то их задело, может быть, то, что почерк и взгляд на мир кино был несколько другой. Ведь в то время на «Мосфильме» работали в основном старые мастера. А тут — молодой парень — свое решение, свой ракурс. Работа фотографа на картине — это ведь не операторская работа. Не зря Михаил Ромм однажды написал в своей статье «Почему нужна и важна работа фотографа на картине?» слова о том, что исто-

пути я убедился позже, когда стал готовить материалы к картине «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма. Нужно было обрабатывать снимки, сделанные в концлагерях, кинокадры. Огромное количество документального материала, работа в архивах. Все нужно перепечатывать, отбирать, компоновать. Необыкновенно сложно. Однажды Ромм, просмотрев мою работу, даже поразился: «Что это такое ты натворил?». Я испугался: «Что-нибудь не так?». «Да нет! Все именно так! Просто все-все очень здорово сделано». Для меня, молодого парня, признание моей работы Роммом было высшей похвалой и определенным переломным моментом. Я понял, что правильно выбрал профессию.

А самой первой моей картиной была «Я шагаю по Москве» с Никитой Михалковым в главной роли. Позже работал и с Даниэлем, и с Рязановым на «Гараже», и с Самсоновым, и почти на всех картинах у Рай-

из-за спины, откуда-то с живота, тайком, бог знает как, сумел отщелкать всю пленку. Софи Лорен обладает хорошей памятью. Через несколько дней на «Мосфильм» пришли люди выяснять, кто же все-таки снимал на Красной площади «Звезд». Я отпибался, как и все остальные. Боялся, что могут потребовать негативы, расставаться с которыми у меня желания не было.

— А Марину Влади когда вы снимали?

— Ну это уже было официально. У меня сохранились очень красивые снимки. Это было, когда Марина работала у Юткевича в ленте «Сюжет для небольшого рассказа». Сергей Юткевич внес много нового в мою творческую биографию, многому меня научил. Он всегда очень точно ставил задачу и говорил, чего именно он от меня на картине хочет.

— Вы Джину Лоллобриджиду снимали?

— Она приезжала на съемки к своему другу Андрону Михалкову — Кончаловскому. (Фильм «Романс о влюбленных»). Кстати, она ведь тоже увлекается фотографией. Мне Андрон показывал ее снимки. Очень профессиональные и интересные. Она часто гримируется под старушек, одевается так, чтобы ее на улицах не узнавали — за ней фоторепортеры просто устривали настоящую охоту. Но «звезде» красоту скрыть трудно. Ее все равно узнавали даже под гримом. Известная актриса да еще и фотограф! Она выпустила альбом «Моя Италия». И в Москве была с полным ящиком фотоаппаратуры. Я тогда «подсуетился». Джина услышала, как щелкнул аппарат. Испугалась. Но Андрон заверил: «Это — свои». И предложил подарить мадам, когда они будут готовы свои фотографии. Что я и сделал. Мадам осталась весьма довольна и поставила автограф.

— А с Аленом Делоном тоже на «Мосфильме» встречались?

— Он провел на студии целый день — то ли снимался у кого-то, то ли проездом был в Москве. Ему все было интересно. Лазил по закоулкам, разглядывал декорации, заходил в цехи. Нас послали снимать хронику его пребывания на «Мосфильме». Я поймал удачные, как мне кажется, моменты.

— Борис, и последний вопрос. Вы играли когда-то на сцене в самодеятельности, участвовали в капустниках в Доме кино. Фотографировали и гримировали много известных актеров, бывали на съемочных площадках... А у вас самого не возникало желания сняться в какой-нибудь роли?

— Видите, на столе фотография, на которой изображен священник в рясе, с бородой, с крестом на груди? Это — я сам. У меня сложилось на «Мосфильме» ампула: как только на какой-нибудь картине нужен батюшка — идут ко мне. В шести фильмах снялся в роли священников!

Елена КУРБАНОВА.

те — ждите до 1946 года». Надо было как-то пережить зиму. И Борис Балдин пошел подрабатывать в «массовку» на картину «Русский вопрос».

Как странно тасуются карты и скрещиваются судьбы... Знал ли Борька тогда, в послевоенном сорок пятом, что знаменитый режиссер Михаил Ромм, дававший на площадке советы В. Аксенову, исполнявшему роль Гарри, станет со временем его другом и напишет на память такие строки: «Лучшему фотографу и лучшему парню, с которым я работал всю свою жизнь? Знал ли он, что, сменяя профессию гримера на профессию фотографа, будет «мешать» режиссеру в монтажных своих вечно щелкающими аппаратами, «не давать нормально работать» в просмотрных залах и ловить, ловить моменты, ракурсы, настроение? А Ромм, получая в руки очередную пачку свеженапечатанных фотографий, будет радоваться как ребенок и только удивляться: «А когда это ты успел нажать кнопку фотоаппарата?». Многочисленные фотографии эти, после смерти

Все помнится, гримерам в горах снова все поправлять нужно. А время уходит. Я на него страшно ругался. А Крючков жаловался: «Вот тот рыжий гример меня все время ругает за то, что я грим носить не умею».

Для меня образцом отношения к своей внешности в кадре и к гриму стал актер Геловани (фильм «Падение Берлина»), игравший Сталина. Тому и шею пластическую клеили, и пластический подбородок, и ухо одно подтягивали. Парик. Грим часа три делали. Некоторые актеры безалаберные — едят, пьют — приклеена ли борода, не приклеена ли... На диван ложатся поспать. А Геловани никогда себе ничего подобного не позволял. Если он в гриме, то, значит, он уже в образе. Более бережного отношения я и не припомню.

Но сложнее всего было с женщинами. Я лучше десять мужчин загримирую и бороды им наклею, чем одну женщину. Моя жена — тоже художник-гример. Мы с ней вместе работали на картине «Укрощение строптивой» у Сергея Колосова. Так вот,

рия мирового кинематографа держится не на кинокадрах, а на тех фотографиях, которые делают фотографы, ежедневно лазающие по площадке с аппаратами, щелкающие, снимающие хронику режиссерской и актерской работы.

Так вот, после этой выставки меня пригласили работать в фотоцех. Я колебался, посоветовался с женой и решил. Профессии гримера и фотографа, как ни покажется странным на первый взгляд такое утверждение, сродни друг другу. А работа гримером, я вдруг в какой-то момент почувствовал, что перестал расти, застыл, что ли, на одном месте. В цехе меня приняли любовно, дружески. Кстати, мою первую фотовыставку заметили и режиссеры. Ко мне тогда подошел Михаил Калик: «Я шел по вестибюлю. Видел, видел... Не хотите ли поработать фотографом у меня на картине?». Он мне доверял полностью, мою работу, что случается с режиссерами нечасто, не контролировал. Так и началась моя фотопопея.

В правильности избранного

мана. Ящики полны негативов. Кого я только не снимал?! А сейчас, когда дело стало катиться к пенсии, мне предложили делать фотопробы на «Мосфильме». (В энциклопедии стало сложновато ездить). Ну, место это нехитрое, правда, очень спокойное — народу с разных картин бывает много. Зато все время в курсе новостей.

— Я видела однажды фотографии Софи Лорен, сделанные вами...

— Эта встреча была случайная. Мы снимали с Роммом на Красной площади, Михаил Ильич очень любил делать стоп-кадры и вставлять их в фильм. Я увидел вдруг, что к мавзолею приближается толпа народа с камерами и фотоаппаратами. А посередине — блистательная Софи Лорен. Она снималась в картине «Подсолнух». Успел сделать два кадра. Она заметила. Тут же ко мне подбежала переводчица: «Вы откуда?» — «С «Мосфильма» — «Софи не разрешает снимать. У нас свои фотографии». Но я понял, что такой случай выпадает один раз в жизни. Перезарядил пленку и